

1917

ГИБЕЛЬ ВЪЛИКОЙ ИМПЕРИИ

Трагедия страны и народа

К 100-летию революции

**1917. Гибель великой империи.
Трагедия страны и народа**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 94(47)«1917»
ББК 63.3(2)524

1917. Гибель великой империи. Трагедия страны и народа /
«Издательство АСТ», 2017 — (К 100-летию революции)

ISBN 978-5-17-098662-0

Ослабленная внутренними противостояниями и дезорганизованная войной, Российская империя приближалась к своему трагическому итогу. Голодные бунты и антивоенные выступления, революции, отречение императора Николая II от престола и захват власти большевиками под руководством В.И. Ленина – все эти события современники воочию наблюдали в 1917 году, который стал для страны судьбоносным. Прочувствовать всю неоднозначность революционных событий и увидеть их глазами очевидцев позволят мемуары, дневники, фрагменты писем, официальные документы, которые собрал воедино в своей книге историк Владимир Романов. Главной особенностью книги является трехсторонний взгляд на события 1917 года в России: PRO, CONTRA и NEUTRALIS.

УДК 94(47)«1917»
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-17-098662-0

, 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

1917

ГИБЕЛЬ ВЪЛИКОЙ ИМПЕРИИ

Трагедия страны и народа

1917. Гибель великой империи. Трагедия страны и народа Автор-составитель Владимир Романов

В сущности, власти надо было тогда, в общих чертах, сделать аналогичное тому, что сделал ранее Столыпин: проявить умеренный либерализм и крепко взять поводья в руки...

Власть не сделала ни того, ни другого – последовала революция!
С.Е. Трубецкой. «Минувшее»

Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...

И.А. Бунин. «Окаянные дни»

Глава первая При таком способе управления Россия выиграть войну не могла

Когда начался 1917 год, шла 127-я неделя ужасной войны.

Троцкий Лев Давидович, один из организаторов Октябрьской революции:

«Участие России в войне было противоречиво по мотивам и целям. Кровавая борьба велась, по существу, за мировое господство. В этом смысле она России была не по плечу. Так называемые военные цели самой России (турецкие проливы, Галиция, Армения) имели про-

винциальный характер и могли быть разрешены лишь попутно, в зависимости от степени их соответствия интересам решающих участников войны».

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – политический деятель, лидер партии «октябристов», председатель Государственной Думы третьего и четвертого созывов. Возглавлял Временный комитет Государственной Думы. Во время Октябрьской революции находился в Петрограде. В 1920 году эмигрировал.

Родзянко Михаил Владимирович, председатель Государственной Думы:

«В самом начале войны правительство стало на совершенно ложную точку зрения. В целях укрепления монархического начала и престижа царской власти, правительство полагало, что войну должно и может выиграть одно оно – царское правительство, без немедленной организации народных сил в целях объединения всех в великом деле войны.

Правительство считало, что можно выиграть эту кампанию путем приказа и повеления и тем самым доказать, что царское правительство стоит на надлежащей высоте понимания народной воли. Таково было, по крайней мере, мое впечатление из бесед с лицами, занимавшими крупные правительственные места, стоявшими тогда во главе управления страной. Я смело утверждаю, что в течение трехлетней войны это убеждение правительства не изменилось ни на йоту.

Путем здоровой пропаганды не внедрялись в массы народа здоровые понятия о том, что несет за собою настоящая война, какие последствия могут быть от поражения России, и насколько необходимо дружное содействие всех граждан, не жалея ни сил, ни средств, ни жизней, ни крови для достижения победы. Ошибочная точка зрения неправильно понятых своих государственных задач, постоянное опасение, как бы путем организации народа не создать почву для революционных очагов, и было роковой и коренной ошибкой всей внутренней политики нашего правительства – не было в правительстве необходимого доверия к народу. В этой позиции, занятой правительством, кроются все причины, с моей точки зрения, дальнейших ошибок, допущенных в ведении войны и приведших нас к катастрофе».

Все страшно устали от затянувшейся войны, в России росли антивоенные настроения во всех слоях общества, и при этом ходили слухи один мрачнее другого.

Ходнев Дмитрий Иванович, полковник:

«С осени 1916 года Петроград зажил нездоровой, ненормальной жизнью. Всюду росло недовольство, всюду плелись различные сплетни, всюду передавались слухи – “последние новости”; чего-то ждали, чего-то хотели... В то время как на фронте честно и доблестно исполнялся долг, лилась кровь, в тылу шло бездельничанье, разгул, разврат. Будто бы чья-то таинственная и невидимая рука направляла всех и все на ей угодный путь, толкая в бездну нашу родину <...>

По всему Петрограду ползли лживые рассказы. Не избежала этой гнусной лжи и клеветы даже царская семья <...> Агитация и пропаганда велась везде».

Александр Михайлович (1866–1933) – великий князь, государственный и военный деятель, четвертый сын великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны, внук императора Николая I. После событий февраля 1917 года был уволен от службы по прошению с мундиром. Эмигрировал во Францию.

Александр Михайлович, великий князь:

«Война не интересует Петербург. Петербург живет слухами. Правда ли, что царь запил? А вы слышали, что государя пользуется какой-то бурят и он прописал ему лекарство, которое разрушает мозг? Известно ли вам, что премьер Штюрмер общается с германскими агентами в Стокгольме?»

Короленко Владимир Галактионович, писатель, общественный деятель:

«А у нас все продолжается министерская чехарда <...> Там, очевидно, мечутся, как перед пожаром. Теперь “воробьи чирикают на крышах” о таких вещах, о которых еще недавно люди только шептались. Слухи, слухи! Рассказывают, будто где-то кто-то стрелял в царицу <...> В воздухе носятся предположения о дворцовом перевороте».

Страна была в значительной степени деморализована, и во всеобщем ощущении безысходности любые ошибки властей рассматривались словно через увеличительное стекло.

По сути, революция выросла на волне социально-экономического и политического кризиса, вызванного Первой мировой войной. Военные расходы привели к росту общего государственного долга в 4 раза (в 1917 году он составлял 34 млрд рублей). По сути, война так расстроила финансовую систему страны, что наладить ее уже не удалось.

Война разорвала связи России с мировым рынком, подорвала ее производительные силы, втянула в длительный период экономической разрухи. Общие посевные площади сократились на 12 %, более чем на 5–7 млн голов уменьшилось поголовье скота. Валовые сборы зерновых в 1916–1917 гг. составили 80 % от предвоенных. Уменьшился сбор картофеля, льна, конопли и многих других сельскохозяйственных культур. Производство сахара упало на 30 %.

Плюс ситуация обострялась тем, что было мобилизовано в армию более 25 % взрослого мужского населения страны – наиболее работоспособная его часть. Для военных потребностей было реквизировано 2,6 млн лошадей, что крайне тяжело отразилось на состоянии сельского хозяйства.

В 1916 году в 70 губерниях были введены карточки на сахар, в 31 губернии – хлебная разверстка. Однако это не дало искомого результата: за декабрь 1916 – январь 1917 гг. поступление хлеба на фронт составило лишь половину требуемой нормы, а к концу 1916 года – не более одной трети.

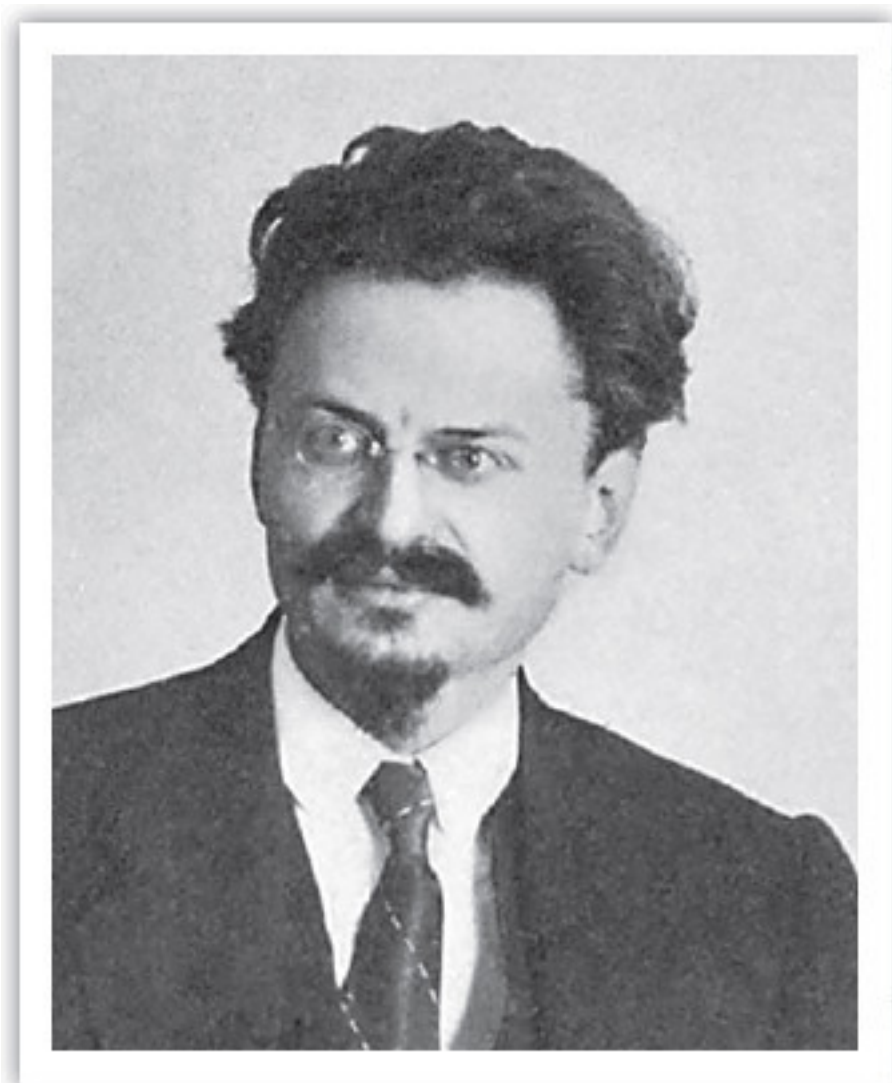
Развал железнодорожного транспорта обострил проблему обеспечения городов сырьем, топливом, продовольствием, а фронта – оружием и боеприпасами. По этой же причине промышленные предприятия начали срывать военные заказы. Произошло значительное падение производства гражданской продукции. Материальное положение российского пролетариата к концу 1916 года стало совершенно невыносимым: если за предшествующие два года заработная плата увеличилась в среднем на 100 %, то цены на самые насущные товары возросли на 300–500 %. Многим оказались недоступны даже те товары, которые имелись в продаже.

Положение стало настолько отчаянным, что фабрики все чаще прекращали работу либо из-за отсутствия топлива, либо из-за необходимости предоставить своим рабочим возможность отправиться за продуктами в деревню.

В стране быстрыми темпами нарастала инфляция: резко упала покупательная способность рубля. По оценкам, денежная бумажная масса выросла в 5–6 раз, и обеспечивалась она золотом лишь на 15 %.

Палеолог Морис, посол Франции в России:

«Что делать? Железнодорожный кризис, действительно, ухудшился. Сильные морозы, которые держатся во всей России, вывели из строя – вследствие того, что полопались трубы паровиков, – более тысячи двухсот локомотивов, а запасных труб, вследствие забастовок, не хватает. Кроме того, в последние недели выпал исключительно обильный снег, а в деревнях нет рабочих для очистки путей. В результате – 5700 вагонов в настоящее время застряли».

Троцкий Лев Давидович (1879–1940) – революционный деятель, идеолог троцкизма. Один из организаторов Октябрьской революции и создателей Красной армии. В первом советском правительстве – нарком по иностранным делам, затем – нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета.

Троцкий Лев Давидович, один из организаторов Октябрьской революции:

«Военная промышленность разбухла, пожирая вокруг себя все ресурсы и подкапываясь под свои собственные основы. Мирные отрасли производства начали замирать. Из регулирования хозяйства, несмотря на все планы, ничего не вышло. Бюрократия, уже не способная взять это дело в свои руки, при сопротивлении мощных военно-промышленных комитетов не соглашалась в то же время предоставить регулирующую роль буржуазии. Хаос возрастал. Умелые рабочие заменялись неумелыми. Угольные копи, заводы и фабрики Польши скоро оказались потеряны <...> До 50 % всей продукции шло на нужды армии и войны, в том числе около 75 % производимых в стране тканей. Перегруженный транспорт оказывался не в силах доставлять заводам необходимые количества топлива и сырья. Война не только поглощала весь текущий национальный доход, но и серьезно приступила к расточению основного капитала страны.

Промышленники все меньше шли на уступки рабочим, а правительство по-прежнему отвечало на каждую стачку суровыми репрессиями. Все это толкало мысль рабочих от частного к общему, от экономики к политике <...>

К концу 1916 года цены растут скачками. К инфляции и расстройству транспорта присоединяется прямой недостаток товаров. Потребление населения сократилось к этому времени более чем наполовину. Кривая рабочего движения круто поднимается вверх. С октября борьба входит в решительную стадию, соединяя все виды недовольства воедино: Петроград берет разбег для февральского прыжка. По заводам прокатывается полоса митингов. Темы: продовольствие, дороговизна, война, правительство <...> Год заканчивается в грозе и буре».

На сессии Государственной Думы, состоявшейся в конце 1916 года, выступил кадет П.Н. Милюков, и он заявил, что правительство проводит политику под влиянием «либо глупости, либо измены».

Милюков Павел Николаевич, политический деятель:

«Еще 13 июня 1916 года с этой кафедры я предупреждал, что “ядовитое семя подозрения уже дает обильные плоды”, что “из края в край земли Русской расползаются темные слухи о предательстве и измене”. Я цитирую свои тогдашние слова. Я указывал тогда, – привожу опять мои слова, – что “слухи эти забираются высоко и никого не щадят”. Увы, господа, это предупреждение, как все другие, не было принято во внимание. В результате в заявлении 28-и председателей губернских управ, собравшихся в Москве 29 октября этого года, вы имеете следующие указания: мучительное, страшное подозрение, зловещие слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся путем разрушения народного единства и сеяния розни подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел.

Естественно, что на этой почве возникают слухи о признании в правительственных кругах беспечности дальнейшей борьбы, своевременности окончания войны и необходимости заключения сепаратного мира. Господа, я не хотел бы идти навстречу излишней, быть может, болезненной подозрительности, с которой реагирует на все происходящее взволнованное чувство русского патриота. Но как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами?»

Родзянко Михаил Владимирович, председатель Государственной Думы:

«Чем дальше развивалась война, тем суровее и беспощаднее, если можно так выразиться, становилось отношение правительства к обществу. Правительству везде снилась и грезилась возникающая революция, и, вместо того чтобы усмирить и успокоить взволнованные небывалыми жертвами и тяжкими сомнениями умы населения, правительство делало, вероятно, бессознательно, все возможное к тому, чтобы еще больше возбудить к себе всеобщее неудовольствие и заслуженное к себе недоверие».

В связи с усилением думской оппозиции правящие круги строили планы разгона IV Государственной Думы и созыва V, которая состояла бы исключительно из дворян и духовенства. Положение на фронтах было весьма тяжелым.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – военачальник и военный педагог, генерал от кавалерии. Во время Февральской революции поддержал приход к власти Временного правительства. В 1917 году назначен Временным правительством Верховным главнокомандующим. С 1919 сотрудничал с Красной армией.

Брусилов Алексей Алексеевич, генерал:

«При таком способе управления Россия, очевидно, выиграть войну не могла, что мы неопровержимо и доказали на деле, а между тем счастье было так близко и так возможно! <...>

Нужно помнить пословицу: “По одежке протягивай ножки”. Для примера укажу на наш Западный фронт. К маю 1916 года он был достаточно хорошо снабжен <...> С другой стороны, Юго-Западный фронт был, несомненно, слабейший, и ожидать от него переворота всей войны не было никакого основания. Хорошо, что он выполнил неожиданно данную ему задачу с лихвой. Переброска запоздалых подкреплений в условиях позиционной войны помочь делу не могла. Конечно, один Юго-Западный фронт не мог заменить собой всю многомиллионную русскую рать, собранную на всем русском Западном фронте. Еще в древности один мудрец сказал, что “невозможное – невозможно”!»

Родзянко Михаил Владимирович, председатель Государственной Думы:

«Устранение общих причин неудач необходимо для победы, ибо армия отчетливо сознает, что если эти причины не будут устранены, то победы мы, несмотря ни на какие жертвы,

не добьемся. Сознание это проникло глубоко в ряды армии, и не только в ряды офицеров, но и в ряды простых солдат, и это обстоятельство при обсуждении вопроса о дальнейшем продолжении войны нужно всегда иметь в виду. Армия перестала верить своим вождям, армия не допускает, чтобы вожди могли бы распоряжаться целесообразно и правильно. Армия находится в таком состоянии, что всякий злой слух, всякая клевета комментируется и принимается как лишнее доказательство полной неспособности командного состава побороть встречающиеся на их пути затруднения и вести армию к победе. В силу этого в армии появляются вялое настроение, отсутствие инициативы, паралич храбрости и доблести. Если сейчас как можно скорее будут приняты меры, во-первых, к улучшению высшего командного состава, к принятию какого-либо определенного плана, к изменению взглядов командного состава на солдата и к подъему духа армии справедливым возмездием тех, которые неумелым командованием губят плоды лучших подвигов, то время, пожалуй, не упущено. Если же та же обстановка сохранится до весны, когда все ожидают либо нашего наступления, либо наступления германцев, то успеха летом 1917 года, как и летом 1916 года, ожидать не приходится».

Потери России в 1916 году были огромны: только Юго-Западный фронт потерял с 22 мая по 14 октября 1,65 млн. человек, в том числе 203 000 убитыми и 153 000 пленными. Вера народа в свое правительство и надежды на союзников были окончательно подорваны.

Троцкий Лев Давидович, один из организаторов Октябрьской революции:

«Русская армия потеряла за всю войну убитыми более, чем какая-либо армия, участвовавшая в войне народов, именно: около 2,5 миллиона душ, или 40 % потерь всех армий Антанты. В первые месяцы солдаты гибли под снарядами не рассуждая или рассуждая мало. Но у них накаплился со дня на день опыт, горький опыт низов, которыми не умеют командовать. Они измеряли масштаб генеральской путаницы бессельными передвижениями на отстающих подошвах и числом несъеденных обедов. От кровавой мешанины людей и вещей исходило обобщающее слово – бессмыслица, которое на солдатском языке заменялось другим, более сочным словом».

Бьюкенен Джордж Уильям, посол Великобритании в России:

«Потери, понесенные Россией, столь колоссальны, что вся страна охвачена печалью. В недавних безуспешных атаках у Ковеля и в других местах принесено в жертву без всякой пользы столь много жизней, что это дало новую пищу тому взгляду, что продолжение борьбы бесполезно и что Россия, в противоположность Великобритании, ничего не выиграет от продолжения войны».

Ходнев Дмитрий Иванович (1886–1976) – полковник. Во время Гражданской войны воевал в Северо-Западной армии, до декабря 1919 года командир Гатчинского Егерского батальона. В 1945 году переехал в Западную Германию, а затем в США. Публиковался в различных эмигрантских изданиях.

Ходнев Дмитрий Иванович, полковник:

«Понеся за время войны страшные потери, гвардейская пехота как таковая почти перестала существовать! “Старых” кадровых офицеров, подпрапорщиков-фельдфебелей, унтер-офицеров и рядовых “мирного” времени, получивших в родных полках должное воспитание – “добрую закваску”, – понимавших и свято хранивших свои традиции, видевших мощь, славу, величие и красоту России, обожавших царя, преданных ему и всей его семье, – увы, таких осталось совсем мало! В действующей армии, в каждом гвардейском пехотном полку насчитывалось человек десять-двенадцать таких офицеров (из числа вышедших в поход – 70–75) и не более сотни солдат (из числа бывших 1800–2000 мирного времени). В каждом бою гвардейская пехота сгорала, как солома, брошенная в пылающий костер <...> Будь гвардейская пехота не так обессилена и обескровлена, будь некоторые ее полки в Петрограде – нет сомнения, что никакой революции не случилось бы».

Шло постепенное разложение русской армии, и она стала терять свою боеспособность. Средняя заболеваемость в войсках увеличилась, хотя никаких эпидемий не было. Это говорит

о росте дезертирства, связанного с падением авторитета власти и с неуверенностью в завтрашнем дне.

Отметим, что к 1916 году большинство профессиональных офицеров вышло из строя, и их сменили скороспелые офицеры-новобранцы (многие из мещан), к которым солдаты-ветераны относились с нескрываемым презрением. Нередки были случаи, когда офицеры отказывались вести своих солдат в атаку из страха получить пулю в спину.

Жуков Георгий Константинович (1896–1974) – полководец, маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза, министр обороны СССР (1955–1957). В 1917 году служил в 5-м запасном кавалерийском полку. В сентябре 1918 года мобилизован в Красную армию.

Жуков Георгий Константинович, полководец:

«В ходе войны, особенно в 1916-м и начале 1917 года, когда вследствие больших потерь офицерский корпус укомплектовывался представителями трудовой интеллигенции, грамотными рабочими и крестьянами, а также отличившимися в боях солдатами и унтер-офицерами, эта разобщенность в подразделениях (до батальона или дивизиона включительно) была несколько сглажена. Однако она полностью сохранилась в соединениях и объединениях. Офицеры и генералы, не имевшие никакой близости с солдатской массой, не знавшие, чем живет и дышит солдат, были чужды солдату. Это обстоятельство, а также широко распространенная

оперативно-тактическая неграмотность высшего офицерского и генеральского состава привели к тому, что командиры эти, за исключением немногих, не пользовались авторитетом у солдата».

Причины недовольства в народе были, в первую очередь, экономического плана. Однако правительство, считая эти проблемы временными, ничего не делало для их решения. При этом уже к октябрю 1916 года недовольство в городах достигло такого накала, что в отчетах департамента полиции сложившаяся ситуация сравнивалась с ситуацией 1905 года и звучало предупреждение о реальной возможности новой революции.

Родзянко Михаил Владимирович, председатель Государственной Думы:

«На почве жгучего страха за будущее Родины, на почве все возрастающего хаоса в транспорте, на почве все возрастающей дороговизны предметов первой необходимости, на почве ненужных наборов воинов, отрывающих рабочие руки от необходимой работы внутри страны – причем все эти неурядицы падали главным образом всей тяжестью на низшие слои народа, на неимущее население – назревало такое недовольство, которое верными шагами вело народ к революционным эксцессам».

Троцкий Лев Давидович, один из организаторов Октябрьской революции:

«К осени положение еще более обострилось. Безнадежность войны стала очевидной для всех, возмущение народных масс грозило вот-вот перелиться через край. Атакуя по-прежнему дворцовую партию за “германофильство”, либералы считали в то же время необходимым прощупать шансы мира, готовя свой завтрашний день <...> Думская делегация, нанеся дружественные визиты французам и англичанам, могла без труда убедиться в Париже и Лондоне, что дорогие союзники намерены во время войны выжать из России все жизненные соки, чтобы после победы сделать отсталую страну главным полем своей экономической эксплуатации. Разбитая Россия на буксире победоносной Антанты означала бы колониальную Россию <...> Напряжение в стране стало невыносимым».

Доклад Петроградского охранного отделения Особому отделу департамента полиции (октябрь 1916 года):

«Постепенно назревавшее расстройство тыла, иными словами – всей страны, носившее хронический и все прогрессирующий характер, достигло к настоящему моменту того максимального и чудовищного развития, которое определенно и уже теперь начинает угрожать достигнутым на действующем фронте результатам и обещает в самом скором времени ввергнуть страну в разрушающий хаос катастрофической и стихийной анархии.

Систематически нараставшее расстройство транспорта; безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразнейших отраслях торговой, промышленной и общественно-политической жизни страны; бессистемные и взаимопротиворечивые распоряжения представителей правительственной и местной администрации; недобросовестность второстепенных и низших агентов власти на местах и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, неимоверно прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столиц и крупных общественных центров – все это, вместе взятое, характеризуя в ярких, исчерпывающих красках результат забвения тыла как первоисточника и причину тяжкого болезненного состояния внутренней жизни огромного государственного организма, в то же время определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разрешиться в ту или иную сторону».

Гучков Александр Иванович (1862–1936) – политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября». Председатель III Государственной Думы, член Государственного Совета. В 1917 году был министром Временного правительства, выступал за продолжение военных действий в ходе Первой мировой войны.

Гучков Александр Иванович, политический деятель:

«Я уже не говорю, что нас ждет после войны, – надвигается потоп, и жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают галоши и открывают зонтик».

Положение в стране усугублялось еще и тем, что практически все представители интеллигенции в той или иной степени перешли в лагерь оппозиции, и от них простой народ получал лишь осуждения власти и предсказания неотвратимой катастрофы.

Трубецкой Сергей Евгеньевич, князь:

«Революцию 1917 года менее всего можно назвать “неожиданной”, хотя никто, конечно, не мог предсказать ее сроки и формы.

Я совершенно ясно помню предшествовавшее ей гнетущее чувство мрачной обреченности. Я никогда не ощущал этого чувства столь ясно и сильно, как именно тогда <...>

Я никогда не был фаталистом. А в политике я считаю фатализм у ведущих слоев общества просто преступным. Но тогда, реагируя против этого чувства обреченности всеми силами своей души, я как никогда ощущал, что что-то “фатальное” нависло над Россией: злой Рок витал над ней... И такое ощущение было тогда далеко не исключением, наоборот, оно было очень широко распространено. Относились к нему, конечно, по-разному, в зависимости от политических вкусов и убеждений: иные радовались, другие страшились, но все, так или иначе, “ощущали”, а не только “понимали” грозность положения.

А положение было, действительно, грозное, но совсем не безнадежное <...> Ничего еще не было потеряно, и все еще могло быть спасено: весь ужас был в том, что власть, которая была призвана защищать и спасти Россию от ужасных потрясений, была совершенно не на высоте положения».

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) – общественный деятель, в молодости – народоволец, а потом – монархист. После революции, лишившись всех средств к существованию, работая делопроизводителем школы в Сергеевом Посаде, Тихомиров в 1918–1922 гг. напишет воспоминания «Тени прошлого».

Тихомиров Лев Александрович, общественный деятель:

«Знает ли это положение государь? Что он думает делать в таком опаснейшем положении? Говорят, будто бы он сказал: “Против меня интеллигенция, но за меня народ и армия:

мне нечего бояться”. Но если действительно таково его мнение, то оно несколько ошибочно. Пожалуй, и народ, и армия в общем за него, но очень условно, а именно, не веря его способности управлять и даже вырваться из сетей “измены”. Ну, при таком настроении весьма возможна мысль: вырвать его силой из рук “измены” и дать ему других “помощников”. Этого вполне достаточно для государственного переворота. И это – вовсе не настроение одних “революционеров”, не “интеллигенции” даже, а какой-то огромной массы обывателей».

Спиридович Александр Иванович, генерал:

«Надвигается катастрофа, а министр, видимо, не понимает обстановки, и должные меры не принимаются. Будет беда. Убийство Распутина положило начало какому-то хаосу, какой-то анархии. Все ждут какого-то переворота. Кто его сделает, где, как, когда – никто ничего не знает. А все говорят, и все ждут. Попад же на квартиру одного приятеля, серьезного информатора, знающего всё и вся, соприкасающегося и с политическими общественными кругами, и с прессой, и с миром охраны, получил как бы синтез об общем натиске на правительство, на верховную власть. Царицу ненавидят, государя больше не хотят. За пять месяцев моего отсутствия как бы всё переродилось. Об уходе государя говорили как бы о смене неудобного министра. О том, что скоро убьют царицу и Вырубову, говорили так же просто, как о какой-то госпитальной операции. Называли офицеров, которые якобы готовы на выступление, называли некоторые полки, говорили о заговоре великих князей, чуть не все называли Михаила Александровича будущим регентом».

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) – поэтесса и писательница, супруга Д.С. Мережковского. Вместе с мужем вела литературный салон – Религиозно-философские собрания и издавала журнал «Новый путь». Октябрьскую революцию встретила крайне враждебно и в 1920 году эмигрировала во Францию.

Гиппиус Зинаида Николаевна, поэтесса, идеолог русского символизма:

«Целая куча разномыслящих окрещена именем “пораженцев”, причем это слово давно изменило свой смысл первоначальный. Теперь пораженка я <...> В России зовут “пораженцем” того, кто во время войны смеет говорить о чем-либо кроме “полной победы”. И такой “пораженец” равен – “изменнику” родины. Да каким голосом, какой рупор нужен, чтобы кричать: война ВСЕ РАВНО так в России не кончится! Все равно – будет крах! Будет! Революция или безумный бунт <...> Наши политические разумные верхи ведут свою, чисто оппозиционную и абсолютно безуспешную политику (правый блок), единственный результат которой – их полное отъединение от низов. Поэтому то, что будет, – будет голо – снизу.

Будет, значит, крах; анархия... почему я знаю! Я боюсь, ибо во время войны революция только снизу – особенно страшна. Кто ей поставит пределы? Кто будет кончать ненавистную войну? Именно кончать?»

Люди глухо роптали, но подняться на открытый бунт были еще не готовы. А 22 декабря 1916 года (4 января 1917 года)¹ в Александровском парке Царского Села состоялись тайные похороны Г.Е. Распутина, убитого за неделю до этого «великосветскими заговорщиками».

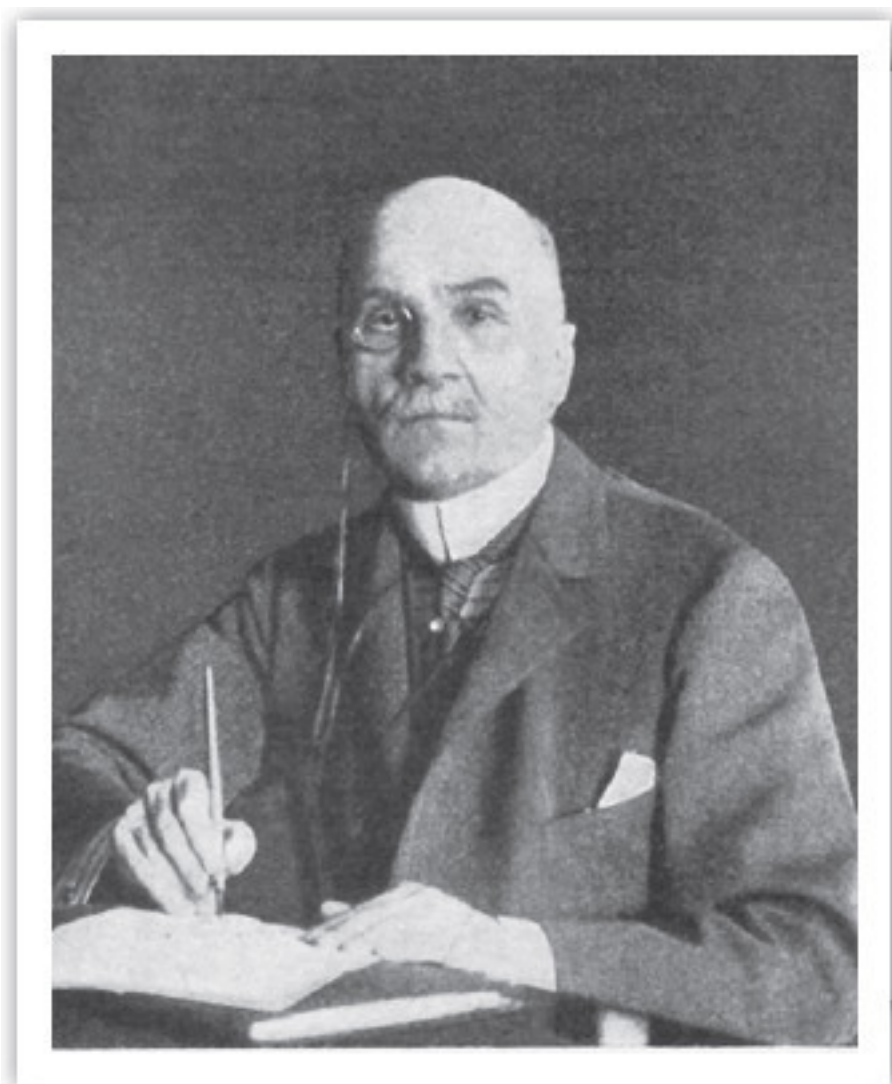
Пришвин Михаил Михайлович, писатель:

«Творчество порядка и законности совершается народом через своих избранников. Таким избранником был у нас царь, который в религиозном освящении творческого акта рождения народного закона есть помазанник божий. Этот царь Николай, прежде всего, сам перестал верить в себя как божьего помазанника, и недостающую ему веру он занял у Распутина, который и захватил власть и втоптал ее в грязь. Распутин, хлыст, символ разложения церкви, и царь Николай, символ разложения государства, – соединились в одно для гибели старого порядка».

Чернов Виктор Михайлович, первый и последний председатель Учредительного собрания:

«Отношения между царицей и Распутиным долго были предметом “скандальной хроники”. После падения династии их охотно мусолила “желтая пресса”, не знающая жалости к побежденным – особенно к тем, кто раньше был идолом. Почву для таких слухов создал сам Распутин своими намеками, красноречивым молчанием и пьяным хвастовством. Повторять их нет нужды. Они только затемняют истинное значение трагикомедии, которая усилилась с появлением Распутина в императорских апартаментах».

¹ Здесь и далее: первая цифра – дата по старому стилю (в скобках – по новому стилю).

Палеолог Жорж Морис (1859–1944) – французский политик и дипломат. С 1914 по 1917 г. посол Франции в России. В ходе своего пребывания в Петербурге способствовал укреплению франко-русского союза. В 1917–1918 гг. играл активную роль в подготовке французской военной интервенции в Россию.

Палеолог Морис, посол Франции в России:

«Народ, узнав <...> о смерти Распутина, торжествовал. Люди обнимались на улице, шли ставить свечи в Казанский собор <...>

Убийство Григория – единственный предмет разговора в бесконечных очередях женщин, в дождь и ветер ожидающих у дверей мясных и бакалейных лавок распределения мяса, чая, сахара и проч. Они друг дружке рассказывают, что Распутин был брошен в Неву живым, и одобряют это пословицей: “Собаке собачья смерть”.

Они также шепотом пересказывали друг другу историю о том, что великая княгиня Татьяна, вторая дочь императора, переодевшись в мундир поручика кавалергардского полка, присутствовала при драме, чтобы, наконец, лично отомстить Распутину, который в свое время пытался изнасиловать ее. И, стараясь передать в мир императорского двора мужицкую мстительную жестокость, они добавляли, что для того, чтобы утолить ее жажду мщения, на ее глазах умирающий Григорий был кастрирован.

Другая народная версия: «Распутин еще дышал, когда его бросили под лед в Неву. Это очень важно, потому что он, таким образом, никогда не будет святым...» В русском народе держится поверье, что утопленники не могут быть причислены к лику святых».

Тихомиров Лев Александрович, общественный деятель:

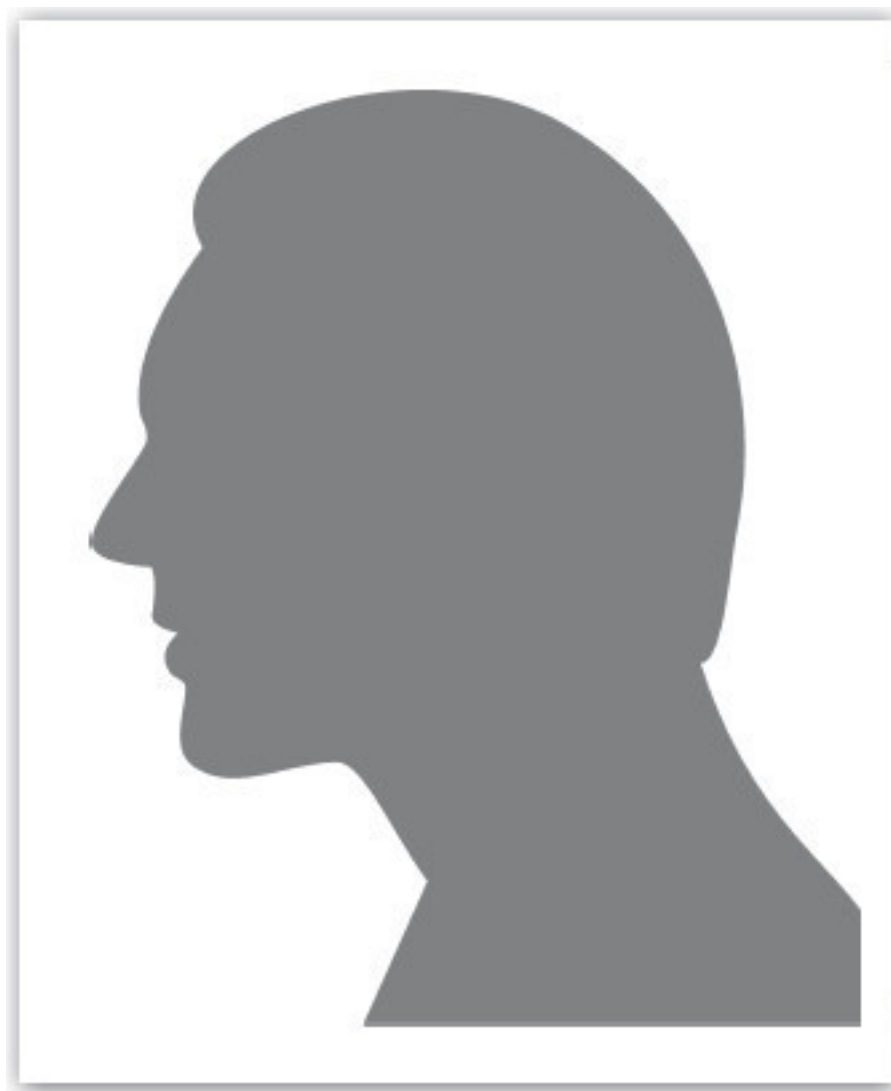
«В публике ходят слухи, будто бы убийство Распутина не единственное, замышленное каким-то сообществом. Называют, что должны быть убиты также Питирим и Варнава. Рассказывают о заговоре в армии в целях того, что если вздумают заключать сепаратный мир или распустить Государств[енную] Думу, то армия, продолжая войну, вышлет отдельные части в Петроград для произведения государственного переворота... Одним словом, страна полна слухов, которые показывают полное падение доверия к управительным способностям государя...»

23 декабря 1916 года (5 января 1917 года), в контексте скандала с убийством Г.Е. Распутина, подал в отставку премьер-министр А.Ф. Трепов, но Николай II отказался ее принять.

В это время продолжались бои в районе Митавы (Елгавы), где русское командование попыталось наладить наступление, рассчитывая отбросить противника от Риги и освободить часть Курляндии (западные районы современной Латвии). Но наступление это вскоре остановилось из-за волнений среди русских солдат, отказавшихся исполнять приказы. Тем не менее линию фронта все же удалось немного «отодвинуть» от Риги. При этом потери русских составили более 40000 человек убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести.

Брусилов Алексей Алексеевич, генерал:

«Не знаю как другие главнокомандующие, но я уехал очень расстроенный, ясно видя, что государственная машина окончательно шатается и что наш государственный корабль носится по бурным волнам житейского моря без руля и командира. Нетрудно было предвидеть, что при таких условиях этот несчастный корабль легко может наскочить на подводные камни и погибнуть – не от внешнего врага, не от внутреннего, а от недостатка управления и государственного смысла тех, которые волею судеб стоят у кормила правления».

Бубнов Александр Дмитриевич (1883–1963) – контр-адмирал, военный практик и теоретик, педагог. После Октябрьской революции и расформирования Ставки сначала уволен, а затем 16 февраля 1918 года восстановлен на службе штатным преподавателем Морской академии. С 1920 года жил в эмиграции.

Бубнов Александр Дмитриевич, контр-адмирал:

«В связи с нарастающим духовным напряжением, вызванным тяжелой войной, постепенно обострились впечатлительность и терпение интеллигентных классов общества, что и породило в нем, вследствие злосчастного направления нашей внутренней политики, оппозиционные течения, перешедшие в конце концов в революционные настроения.

Вместо того чтобы стараться, елико возможно, поддерживать в обществе столь необходимые для успешного хода войны стремления к единению всех творческих сил народа с его верховным правлением, правительство, и главным образом престол, своими деяниями, наоборот, все больше и больше углубляли возникшую вскоре после начала войны между ними пропасть.

Эти деяния, имевшие фатальные последствия для будущего России, были: допущенное со стороны престола влияние на управление страной в столь тяжелый период ее истории распутинской клики и борьбы верховной власти с Государственной Думой, так или иначе олицетворявшей творческие силы страны, к патриотической помощи коих верховная власть не только упорно считала не нужным, но даже считала вредным прибегнуть».

К сожалению, Николай II потерял непосредственную связь с политической жизнью в стране. О положении вещей он в основном узнавал от супруги, которая, впрочем, и сама не слишком разбиралась в политике.

Троцкий Лев Давидович, один из организаторов Октябрьской революции:

«17 марта 1916 года, за год до революции, когда истерзанная страна уже извивалась в клещах поражений и разрухи, царица писала мужу в главную квартиру: “Ты не должен делать послаблений, ответственного министерства и т. д., – всего, что они хотят. Это должна быть твоя война и твой мир, и честь твоя и нашей родины, и ни в коем случае не Думы. Они не имеют права сказать хотя бы одно слово в этих вопросах”. Это была, во всяком случае, законченная программа, и именно она неизменно одерживала верх над постоянными колебаниями царя».

В результате император имел весьма слабое представление о растущем недовольстве и обострении экономических проблем. Тем не менее 27 декабря 1916 года (9 января 1917 года) он все же заменил председателя Совета министров, назначив на место А.Ф. Трепова тихого и покорного его воле князя Н.Д. Голицына.

Миллюков Павел Николаевич, политический деятель:

«Премьером, вместо Трепова, был князь Н.Д. Голицын – полное ничтожество в политическом отношении, но лично известный императрице в роли заведующего ее “Комитетом помощи русским военнопленным”. Более выдающегося человека в этот решительный момент у верховной власти не нашлось».

Чубинский Михаил Павлович, профессор, юрист:

«В политике творится нечто невероятное. Назначение премьер-министром князя Голицына <...> и целый ряд новых правых назначений в Государственный Совет имеют вид явного вызова общественному мнению».

Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924) – британский дипломат, посол Великобритании в России в годы Первой мировой войны и революций 1917 года. В 1917 году влияние Бьюкенена на внутрироссийские дела достигло наивысшей точки и стало иметь реальный политический вес.

Бьюкенен Джордж Уильям, посол Великобритании в России:

«Председателем Совета министров был назначен князь Голицын, один из крайних правых. Будучи честным и благонамеренным, но не имея никакого административного опыта и никаких точек соприкосновения с Думой, он не обладал необходимой энергией или силой характера для того, чтобы овладеть положением, которое с каждым днем становилось все более и более угрожающим. Революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том, придет ли она сверху или снизу.

Дворцовый переворот обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты и император, и императрица или только последняя; с другой стороны, народное восстание, вызванное всеобщим недостатком продовольствия, могло вспыхнуть ежеминутно».

30 декабря 1916 года (12 января 1917 года) британский посол Джордж Уильям Бьюкенен добился аудиенции у Николая II, и тот принял его, но сделал это весьма официально и

холодно. Император выслушал слова посла о внешней политике, а на предложение поменять внутреннюю политику и поставить сильного человека во главе правительства дал резкий ответ и распрощался.

Бьюкенен Джордж Уильям, посол Великобритании в России:

«Во всех предыдущих случаях Его Величество принимал меня без особых формальностей в своем кабинете и, пригласив меня сесть, протягивал свою табакерку и предлагал курить. Поэтому я был неприятно удивлен, когда был на этот раз введен в комнату для аудиенции и нашел Его Величество ожидающим меня здесь, стоя посреди комнаты. Я тотчас понял, что он угадал цель моей аудиенции и что он нарочито придал ей строго официальный характер, как бы намекая мне, что я не могу касаться вопросов, не входящих в компетенцию посла. Сознаюсь, что у меня упало сердце, и на минуту я серьезно задумался, не отказаться ли мне от первоначальной цели».

31 декабря 1916 года (13 января 1917 года) Николай II весь день принимал доклады министров. Около полуночи они с императрицей и детьми отправились в домашнюю церковь, чтобы встретить Новый год за молитвой.

Из дневника Николая II:

«31 декабря. Понедельник.

В шесть часов поехали ко всенощной. Вечером занимался. Без десяти минут полночь пошли к молебну. Горячо помолились, чтобы Господь умилился над Россией».

Чернов Виктор Михайлович, первый и последний председатель Учредительного собрания:

«Было ясно, что “шапка Мономаха” слишком тяжела для головы, на которую она легла. Николай согнулся под ее бременем; он всю жизнь пытался выпрямиться и не дать людям заметить, что эта шапка ему не по размеру. Царь старался подбодрить себя мыслью о том, что он не простой смертный, а помазанник божий, что на нем лежит благословение небес и ведет его по незримой тропе жизни без всяких усилий с его стороны <...> В фантазиях и планах на будущее он щедро вознаграждал себя за неудачи в настоящем».

В первый день Нового года Николай II принимал поздравления от своих подданных и иностранных дипломатов. Первыми их принесли председатель Совета министров князь Н.Д. Голицын, новый председатель Государственного Совета И.Г. Щегловитов и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко.

Палеолог Морис, посол Франции в России:

«Сегодня первый день нового года по православному календарю. Император принимает в Царском Селе поздравления от дипломатического корпуса.

Жестокий холод: –38.

Лошади, впряженные в придворные экипажи, ожидающие нас перед императорским вокзалом, обледенели. И до самого Большого дворца я не различаю ничего из пейзажа – такими непроницаемыми стали стекла от толстого слоя снега <...>

Если судить лишь по созвездиям русского неба, год начинается при дурных предзнаменованиях. Я констатирую везде беспокойство и уныние; войной больше не интересуются; в победу больше не верят; с покорностью ждут самых ужасных событий».

Летом 1916 года войска под командованием генерала А.А. Брусилова перешли в наступление, и в результате этого «брусиловского прорыва» были взяты Буковина и Южная Галиция.

На Кавказском фронте русские также углубились на территорию Турции на 250–300 км. При этом проблемы с обеспечением боеприпасами и продовольствием снижали боеспособность армии и приводили к росту потерь. В результате затянувшаяся война и ухудшение положения народа, вызванное ростом цен и начавшимися перебоями с продуктами питания, привели к росту недовольства в различных слоях населения страны. Повсюду царили уныние и ощущение того, что «шапка Мономаха» слишком тяжела для головы Николая II, который, похоже, и сам прекратил верить в себя и стал символом разложения государства.

Глава вторая

Все ждали каких-то важных событий

Правительственный кризис в России выразился в «министерской чехарде» – слишком частой смене министров. За 1915–1916 гг. сменилось четыре председателя Совета министров, четыре военных министра, шесть министров внутренних дел и т. д. Из-за этого Совет министров в народе стали называть «кувырк-коллекцией».

Особенно не любили председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, сменившего в январе 1916 года И.Л. Горемыкина. Это был закоренелый монархист, но назначение на такую должность человека с немецкой фамилией (в то время, когда столь сильны были антигерманские настроения) свидетельствовало о слепоте двора, о его полной невосприимчивости к происходящему. Кроме того, оказалось, что Штюрмер был близок и предан Распутину.

В ноябре 1916 года Штюрмера отправили в отставку, назначив на освободившееся место А.Ф. Трепова, но и он не продержался долго (его, как уже говорилось, сменил князь Н.Д. Голицын).

А тем временем на фронте и в тылу распускались слухи о связях императрицы Александры Федоровны с ее германскими родственниками.

Троцкий Лев Давидович, один из организаторов Октябрьской революции:

«Особую остроту слухам о дворцовой камарилье придавало обвинение ее в германофильстве и даже в прямой связи с врагом. Шумный и не весьма основательный Родзянко прямо заявляет: “Связь и аналогия стремлений настолько логически очевидны, что сомнений во взаимодействии германского штаба и распутинского кружка для меня, по крайней мере, нет: это не подлежит никакому сомнению”. Голая ссылка на “логическую” очевидность весьма ослабляет категорический тон этого свидетельства. Никаких доказательств связи распутинцев с германским штабом не было обнаружено и после переворота. Иначе обстоит дело с так называемым “германофильством”. Дело шло, конечно, не о национальных симпатиях и антипатиях немки-царицы, премьера Штюрмера, графини Клейнмихель, министра двора графа Фредерикса и других господ с немецкими фамилиями <...> Значительно более реальны были органические антипатии придворной челяди к низкопоклонным адвокатам Французской республики и симпатии реакционеров, как с тевтонскими, так и со славянскими именами, к истинно прусскому духу берлинского режима, который столько времени импонировал им своими нафабранными усами, фельдфебельскими ухватками и самоуверенной глупостью».

Недовольны были все. Среди депутатов Государственной Думы, видных промышленников и военных зрели планы дворцового переворота. А среди народных масс нарастало возмущение не только против старой власти, но и против стоявшей в оппозиции буржуазии, которую обвиняли в том, что она обогащается на народном страдании.

Спиридович Александр Иванович (1873–1952) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, служащий Московского и начальник Киевского охранного отделения, начальник императорской дворцовой охраны. Был арестован Временным правительством, позже освобожден. В 1920 году эмигрировал во Францию.

Спиридович Александр Иванович, генерал:

«Происходили тайные и явные собрания, совещания. Распространялись разные слухи, волновавшие все круги населения. Все ждали каких-то важных событий. Шептались о возможности государственного переворота. В эти дни Гучков сделал первую попытку осуществить свой фантастический младотурецкий план – захватить государя императора, вынудить его отречение в пользу цесаревича, причем при сопротивлении Гучков был готов прибегнуть и к цареубийству».

Кантакузина Юлия Федоровна, княгиня:

«Я вернулась в Петроград вскоре после Нового года и оставалась там по делам четыре недели. Меня потрясли бросившиеся в глаза перемены. Стоимость жизни резко возросла. Никто не верил в будущее правительства. Всеобщая депрессия дошла до крайней степени и, казалось, заразила всех, поскольку самые рассудительные и заслуживающие доверия люди излагали факты, казавшиеся невероятными, но тем не менее правдивые. Молчание и озабо-

ченные лица придворных и наиболее лояльных членов правительства, возможно, были теми самыми признаками надвигающейся гибели, которые больше всего потрясли меня».

Тихомиров Лев Александрович, общественный деятель:

«Поторопился взять из Госуд[арственного] Банка почти все, что там было – 4 тысячи. Всегда ужасно боюсь, что помрешь – и семья останется без денег, которые зря лежат в банке, пока утвердятся в наследстве <...> Правительство – это нечто невообразимое, и особенно со времени войны. Анархия полная <...> Распоряжения глупые. Полная неспособность обуздать спекуляторов. Цены поднялись до невозможности жить. У меня за прошлый [год] концы сведены с концами только благодаря распродаже разных вещей. Но в этом году продавать нечего. А между тем расход за январь превысил уже теперь максимум возможного расхода. И не мудрено. Что ни взять – вчетверо и впятеро дороже».

3 (16) января министр иностранных дел Н.Н. Покровский честно предупредил императора о близящейся катастрофе и посоветовал ему убрать министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Николай II ответил, что не нужно сгущать краски и что всё наладится. Тогда Н.Н. Покровский попросил отправить в отставку его самого, но Николай II отказал ему в этом.

Спиридович Александр Иванович, генерал:

«В России не было тогда ни настоящего министра внутренних дел, ни его товарища [заместителя – В.Р.] по политической и полицейской части, ни настоящего директора Департамента полиции, который помогает министру видеть, знать и понимать все, совершающееся в стране. Вот что представлял собой А.Д. Протопопов как министр. Изящный, светский, очаровательный в обращении мужчина пятидесяти лет, А.Д. Протопопов прежде всего был не совсем здоров психически. Он был когда-то болен “дурною болезнью” и носил в себе зачатки прогрессивного паралича <...> он находился под большим психическим влиянием некоего хироманта и оккультиста, спирита и магнетизера Перрэна».

Глобачев Константин Иванович (1870–1941) – генерал-майор, начальник Петроградского охранного отделения. Во время Февральской революции был арестован и находился в заключении в тюрьме «Кресты», но незадолго до Октябрьской революции был освобожден. В 1923 году эмигрировал в США.

Глобачев Константин Иванович, генерал, начальник Петроградского охранного отделения:

«Кандидатура Протопопова была приемлема для государя вполне. Протопопов был представителем общественности как товарищ председателя Государственной Думы, и о нем были даны самые лучшие отзывы английским королем за время его пребывания членом русской делегации, командированной перед тем в Англию. Таким образом, казалось бы, назначение Протопопова должно было всех удовлетворить. Между тем получилось совершенно обратное. Государственная Дума и прогрессивный блок усмотрели в принятии Протопоповым министерского портфеля ренегатство и простить ему этого не могли. С первого же дня вступления в должность Протопопова Государственная Дума повела с ним жестокую борьбу. К тому же Протопопов стал делать очень много крупных ошибок благодаря своей неопытности и незнакомству с управлением таким крупным ведомством <...>

В деловом отношении Протопопов был полнейшим невеждой; он плохо понимал, не хотел понять и все перепутывал <...> В разговоре это был очень милый, обходительный человек, но очень любил кривляться, что, казалось бы, министру не подобало. Встречал с видом

утомленной женщины, жалуясь каждый раз на то бремя, которое ему приходится нести из любви к государю и родине. Из того, что ему докладывалось, он, видимо, ничего не понимал и все перепутывал. Он никак не мог понять, что такое большевики, меньшевики, социалисты-революционеры и т. п. Не раз он просил меня всех их называть просто социалистами, так ему понятнее».

Бьюкенен Джордж Уильям, посол Великобритании в России:

«Протопопов, на плечи которого упала мантия Распутина, был теперь более могущественен, чем когда-либо. Будучи не совсем нормален, он, как говорят, на своих аудиенциях у императрицы передавал ей предостережения и сообщения, полученные им в воображаемом разговоре с духом Распутина. Он совершенно овладел доверием Ее Величества и, убедив ее, что благодаря предпринятым им мерам к реорганизации полиции он может справиться со всяким положением, какое бы ни возникло, он получил полную возможность продолжать свою безумную политику».

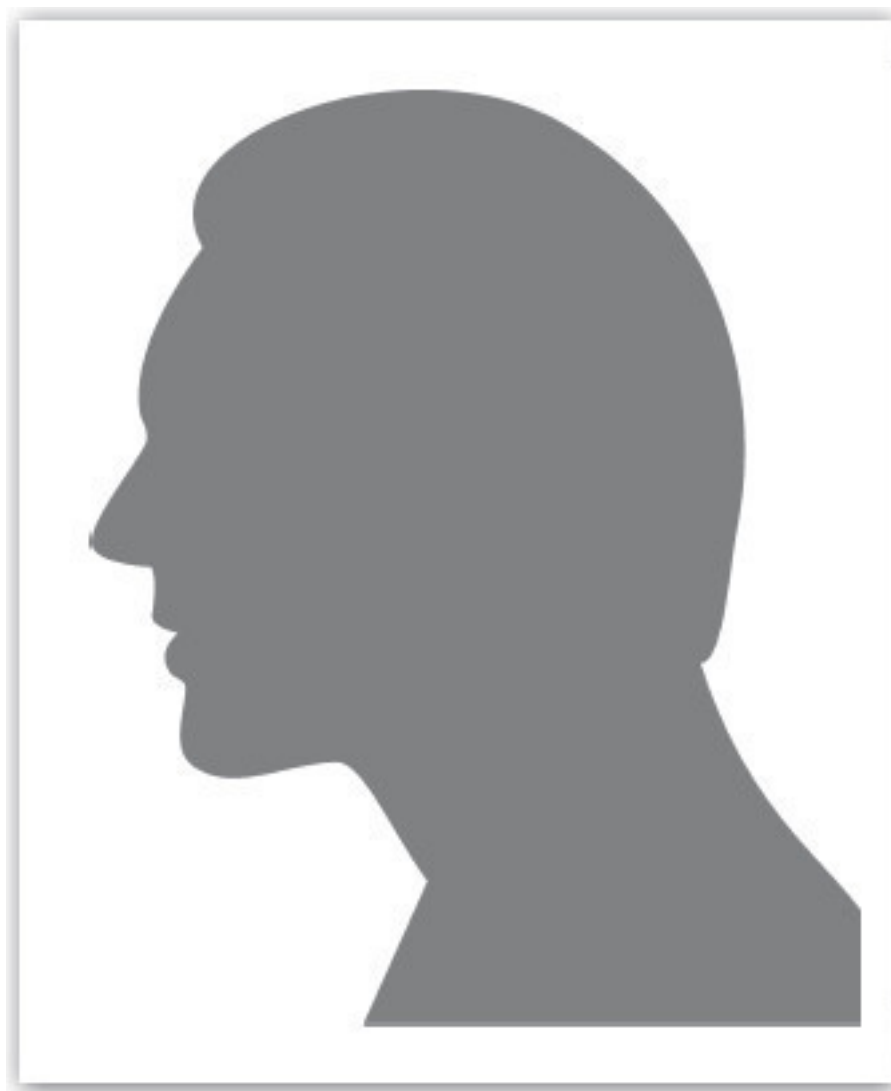
Через два дня после Н.Н. Покровского председатель Совета министров князь Н.Д. Голицын доложил Николаю II о слухах из Москвы относительно возможного переворота.

Спиридович Александр Иванович, генерал:

«5 января премьер князь Голицын докладывал о тревоге в обществе и о слухах из Москвы о предстоящем перевороте. Он доложил и о том, что в Москве называют имя будущего царя. Государь успокаивал его и сказал:

– Мы с царицей знаем, что все в руках Божиих. Да будет воля его <...>

Накануне великий князь Павел Александрович, делая доклад о гвардии, доложил все-таки о готовящемся государственном перевороте».

Чубинский Михаил Павлович (1871–1943) – юрист, публицист и педагог, член партии кадетов. Состоял членом нескольких просветительских обществ. С мая 1917 года сенатор Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. Не принял революцию и вскоре выехал за рубеж.

Чубинский Михаил Павлович, профессор, юрист:

«Ходят самые крайние слухи. В частности, говорят, будто целый ряд великих князей довел до сведения государя их общее убеждение об опасности принятого курса не только для родины, но и для династии».

Гиппиус Зинаида Николаевна, поэтесса, идеолог русского символизма:

«Несчастный народ, несчастная Россия... Нет, не хочу. Хочу, чтобы это была именно Революция, чтобы она взяла, честная, войну в свои руки и dokonчила ее. Если она кончит – то уж прикончит. Убьет».

6 (19) января был обнародован императорский указ об отсрочке возобновления заседаний Государственной Думы и Государственного Совета до 14 февраля, и это стало не столько ударом по думской оппозиции, сколько свидетельством того, что самодержавие намерено действовать старыми методами и не думает идти навстречу даже требованиям либерально-монархических кругов.

Спиридович Александр Иванович, генерал:

«Существовало довольно распространенное мнение, что государь не знал, что делается кругом. Это совершенно ошибочно. Всякими путями, официальными и неофициальными, государь знал все, за исключением, конечно, тайной (конспиративной) революционной работы.

В январе месяце, не считая военных докладов, государь принял более 140 разных лиц в деловых аудиенциях. Со многими государь обстоятельно говорил о текущем моменте, о возможном будущем. Некоторые из этих лиц предупреждали государя о надвигающейся катастрофе и даже об угрожавшей ему лично, как монарху, опасности.

Так, 3 января министр иностранных дел Покровский откровенно предупреждал государя о надвигающейся катастрофе. Он советовал государю пойти на уступки, сменить Протопопова. Государь ответил, что <...> все устроится».

7 (20) января Николай II принял председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, и тот сделал ему доклад об обстановке в империи.

Родзянко Михаил Владимирович, председатель Государственной Думы:

«7 января я был принят царем <...>

– Из моего второго рапорта вы, Ваше Величество, могли усмотреть, что я считаю положение в государстве более опасным и критическим, чем когда-либо. Настроение во всей стране такое, что можно ожидать самых серьезных потрясений. Партий уже нет, и вся Россия в один голос требует перемены правительства и назначения ответственного премьера, облеченного доверием народа. Надо при взаимном доверии с палатами и общественными учреждениями наладить работу для победы над врагом и для устройства тыла. К нашему позору, в дни войны у нас во всем разруха. Правительства нет, системы нет, согласованности между тылом и фронтом до сих пор тоже нет. Куда ни посмотришь – злоупотребления и беспорядки. Постоянная смена министров вызывает сперва растерянность, а потом равнодушие у всех служащих сверху донизу. В народе сознают, что вы удалили из правительства всех лиц, пользовавшихся доверием Думы и общественных кругов, и заменили их недостойными и неспособными <...> Вокруг вас, государь, не осталось ни одного надежного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, а остались только те, которые пользуются дурной славой. Ни для кого не секрет, что императрица помимо вас отдает распоряжения по управлению государством, министры ездят к ней с докладом и что по ее желанию неугодные быстро летят со своих мест и заменяются людьми, совершенно неподготовленными. В стране растет негодование на императрицу и ненависть к ней... Ее считают сторонницей Германии, которую она охраняет. Об этом говорят даже среди простого народа...

– Дайте факты, – сказал государь, – нет фактов, подтверждающих ваши слова.

– Фактов нет, но все направление политики, которой так или иначе руководит Ее Величество, ведет к тому, что в народных умах складывается такое убеждение. Для спасения вашей семьи вам надо, Ваше Величество, найти способ отстранить императрицу от влияния на политические дела <...> Не заставляйте, Ваше Величество, чтобы народ выбирал между вами и благом родины. До сих пор понятия “царь” и “родина” были неразрывны, а в последнее время их начинают разделять...

Государь сжал обеими руками голову, потом сказал:

– Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался...

Минута была очень трудная. Преодолев себя, я ответил:

– Да, Ваше Величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути».

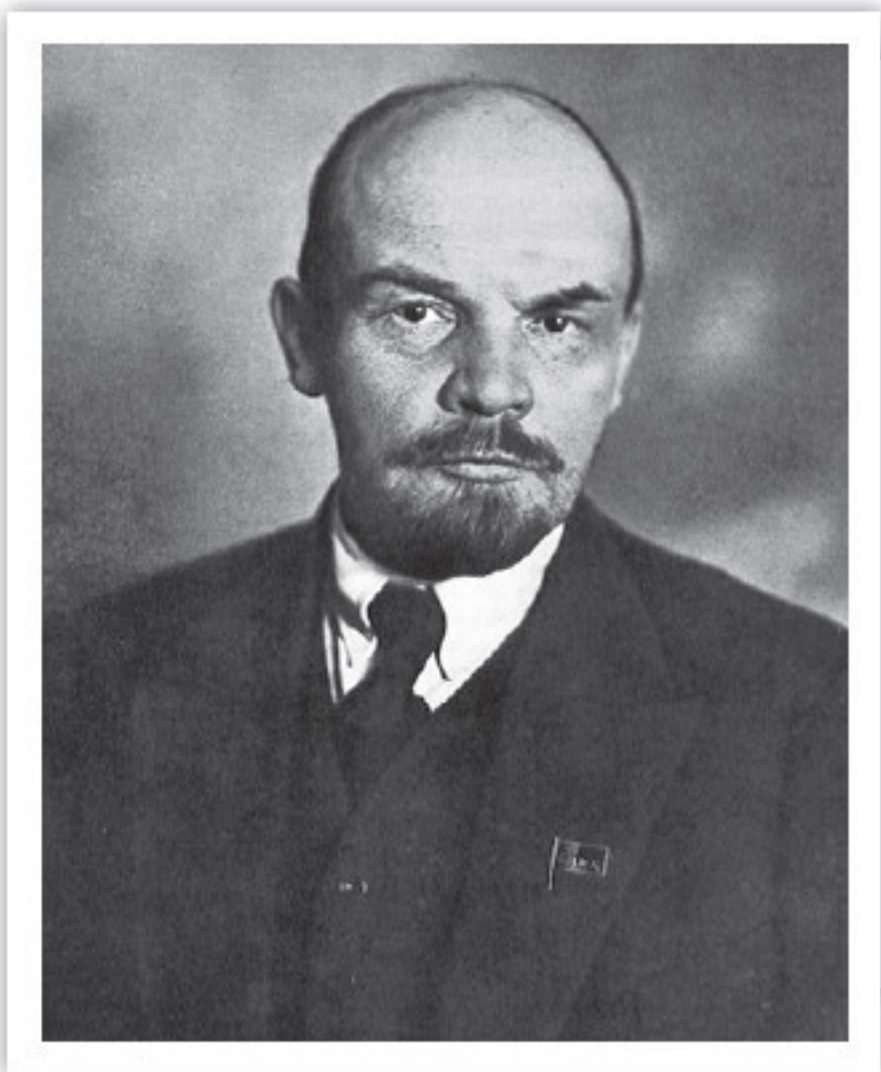
Спиридович Александр Иванович, генерал:

«Не участвуя в заговорах тогда против государя, Родзянко знал о них многое <...> Родзянко доложил государю, с присущей ему резкостью и прямолинейностью, что “вся Россия” требует смены правительства, что императрицу ненавидят, что ее надо отстранить от государственных дел, что в противном случае будет катастрофа. Однако, зная многое про подготовляющийся переворот, Родзянко не сделал государю конкретных указаний в смысле лиц. Он лишь настаивал на устранении царицы, на смене Протопопова, на даровании ответственного министерства».

Глобачев Константин Иванович, генерал, начальник Петроградского охранного отделения:

«Протопопов был предоставлен самому себе, не имея хороших ответственных помощников и советчиков. Неудивительно поэтому, что при том сумбуре, который был в голове Протопопова, он делал промах за промахом в отношении Государственной Думы и ее председателя Родзянко».

А тем временем, 9 (22) января, вождь большевиков В.И. Ленин выступил в Цюрихе, где он жил с Н.К. Крупской с февраля 1916 года, перед местными социал-демократами на митинге, посвященном годовщине начала революции 1905 года.

Ленин Владимир Ильич (настоящая фамилия – Ульянов) (1870–1924) – революционер, политический и государственный деятель, создатель РСДРП(б), один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года, создатель первого в мировой истории социалистического государства.

Ленин Владимир Ильич, главный организатор и руководитель Октябрьской революции:

«Сегодня – двенадцатая годовщина “Кровавого Воскресенья”, которое с полным правом рассматривается как начало русской революции <...> Русская революция является в мировой истории первой, но она будет, без сомнения, не последней, – великой революцией, в которой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль <...> Несомненно, формы и поводы грядущих боев в грядущей европейской революции будут во многих отношениях отличаться от форм русской революции. Но, несмотря на это, русская революция <...> остается прологом грядущей европейской революции <...> Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думаю мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции».

В тот же день началась забастовка рабочих в Петрограде. Этот демарш стал самым крупным пролетарским выступлением за время войны. В стачке участвовало от 150 000 до 200 000 человек. В Выборгском, Нарвском и Московском районах столицы не работали почти все предприятия.

Аналогичные выступления произошли в Москве и в других городах страны: в Нижнем Новгороде, Воронеже, Харькове, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Донбассе и т. д.

Чубинский Михаил Павлович, профессор, юрист:

«В общей политике все идет по-прежнему плохо. В кабинете перемен никаких, а сам кабинет совершенно не способен к той громадной творческой работе, которой повелительно требуют и небывалая по тяжести, безмерно затянутая война, и наше внутреннее положение <...> А между тем все более и более сказывается надвинувшийся на нас кризис: отсутствие или большая нехватка во многих местах даже хлеба и керосина <...> Это грозные симптомы. Усиленно говорят и о нехватке у нас паровозов.

Около лавок вместе с небывалыми ранее хвостами потребителей растет и народное недовольство. К открытию Государственной Думы ожидалось серьезные беспорядки, вдохновляемые частью пораженцами, часто же (как шла упорная молва) провокацией. Ждали таких забастовок, что запасали даже воду и свечи. Пока особых эксцессов нет; у нас на Васильевском острове и совсем тихо, но меры чисто полицейского характера приняты, с патрулями и пулеметами включительно. Многие ждут решительных действий от Государственной Думы. Это едва ли случится, хотя, конечно, будет сказано немало решительных слов».

Гишпиус Зинаида Николаевна, поэтесса, идеолог русского символизма:

«Или я во всем ошибаюсь? А если Россия может в позоре рабства до конца войны дотащиться? Может? Не может? Допускаю, что может. Но допускаю формально, вопреки разуму. А уже веры нет ни капли <...> А что России так не “дотащиться” до конца войны – это важно. Не дотащиться. Через год, через два (?), не будет что-то, после чего: или мы победим войну, или война победит нас <...>

Я говорю – год, два... Но это абсурд. Скрытая ненависть к войне так растет, что войну надо <...> как-то иначе повернуть. Надо, чтоб война стала войной для конца себя. Или ненависть к войне, распучившись, разорвет ее на куски».

19 января (2 февраля) начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К.И. Глобачев доложил императору о росте народного недовольства из-за дороговизны продуктов, об успехе левых газет и журналов, о симпатии широких масс к Государственной Думе и о ходивших слухах о существовании некоей офицерской организации, которая якобы решила покончить с рядом лиц, тормозивших обновление страны.

Кантакузина Юлия Федоровна (1876–1975) – литератор, мемуарист. Урожденная Джулия Грант, внучка президента США Улисса Гранта. Жена князя Михаила Михайловича Кантакузина. Во время революций 1917 года проживала с семьей в России, а в 1918 году вместе с мужем и детьми переехала в США.

Кантакузина Юлия Федоровна, княгиня:

«Ходили слухи, будто планируется дворцовая революция и убийства расчистят путь для новой эры. Все остальное испробовали, но без пользы, и это единственное оставшееся средство.

– Похоже, они там в Царском совершенно сошли с ума, – однажды со вздохом сказал один спокойный и лояльный член кабинета. – И они не видят, как быстро мчатся навстречу своей гибели. Напротив, они торопятся с головокружительной скоростью, тащат и подталкивают друг друга.

И действительно, при взгляде на эту ситуацию возникало ощущение безумия».

Бьюкенен Джордж Уильям, посол Великобритании в России:

«Положение было уже очень серьезное. Вследствие недостатка угля <...> несколько заводов пришлось закрыть, и вследствие этого несколько тысяч рабочих осталось без работы. Это обстоятельство само по себе не было бы очень тревожно, так как они получили вознаграждение и не имели повода устраивать беспорядки. Но они нуждались в хлебе, и многие из них, прождав целые часы в хвостах у хлебопекарен, вовсе не могли его получить».

Шульгин Василий Витальевич, политический деятель:

«Уже несколько дней мы жили [как] на вулкане... В Петрограде не стало хлеба – транспорт сильно разладился из-за необычайных снегов, морозов и, главное, конечно, из-за напряжения войны...

Произошли уличные беспорядки... Но дело было, конечно, не в хлебе... Это была последняя капля... Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти... И даже не в этом... Дело в том, что власть сама себе не сочувствовала...

Не было, в сущности, ни одного министра, который верил бы в себя и в то, что он делает... Класс бывших властителей сходил на нет... Никто из них не способен был стукнуть кулаком по столу... Куда ушло знаменитое столыпинское “не запугаете”? Последнее время министры совершенно перестали даже приходить в Думу...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.